

ЛАДА ЛУЗИНА

Киевские ведьмы
Каменная гостья

Лада Лузина
Каменная гостья
Серия «Киевские ведьмы», книга 9

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4402185
Лада Лузина. Каменная гостья: Фолио; Харьков; 2011
ISBN 978-966-03-5669-6*

Аннотация

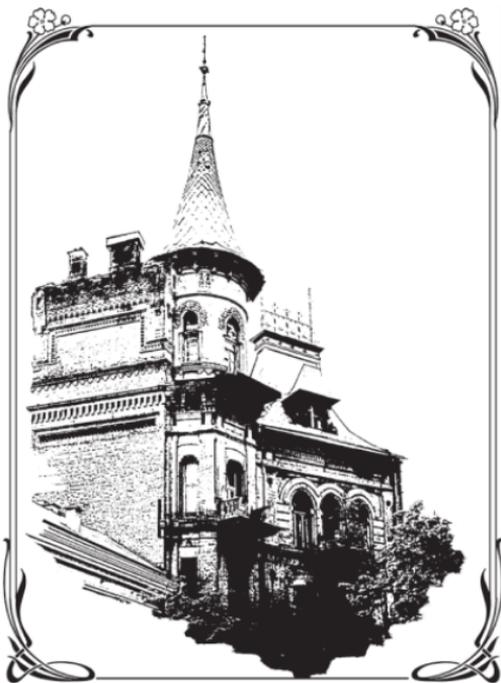
Уже много лет в центре Киева стоят "заколдованные" дома – пустые, не жилые, закрытые от всех. Один из них – легендарный Замок Ричарда на Андреевском спуске. Почему он не желает пускать внутрь людей и много ли в столице зачарованных мест? Что если дома Киева и даже памятники Великим людям на самом деле – живые? Разобраться с этим придется трем Киевицам...

Лада Лузина

Каменная гостья

Се ти?.. Ти упирицею прийшла, щоб з мене пити кров?

Леся Українка. Якова пісня

Настал час, и улица затихла, так, словно в мире и не существовало людей – быстрый снег стер следы ног и машин,

окна домов стали черными, отражающими лишь темный лик Вечного Города. И мужской голос, услышать который могли лишь немногие, произнес ясно и четко:

– Скоро нас ждет еще одна смерть. Так некстати, прямо на праздник... – Мужчина говорил на древнегреческом.

– Он будет сам виноват в своей гибели, – ответил его собеседник на персидском. – Прошла тысяча лет, а люди все так же неосторожны. Все так же не мудры. – Второй мужчина взглянул на повисшую над его головою сову – символ мудрости. Та громко ухнула в ответ.

– И все же его можно спасти, – раздался с другой стороны убежденный в своей правоте голос женский.

– Нужно спасти, – сердобольно сказала Вторая женщина. – Достаточно того, что мы потеряли ее... Кто-то должен спасти его.

– Тот, кто полюбит, – вдохновенно сказала женщина Третья.

– Нет. Он погибнет, – безрадостно предрекла Четвертая. – Поверьте, я знаю жизнь.

Невесть отчего ее слова вызвали у пятерых тихий смех. Четвертая же убежденно завершила:

– Он все равно умрет.

– Неужели? – расстроилась сердобольная Вторая. – Она не осмелится...

– Осмелится, – сказала Четвертая. – Она поцелует его. А он умрет.

– Умрет, – печально подтвердил мужчина, говоривший на греческом.

– Умрет, – подтвердил второй, говоривший на персидском, и опять посмотрел на сову – птица молча захлопала крыльями, соглашаясь с ним.

– Он умрет так же, как и она, – мрачно пообещала Четвертая. – Все будет так же, как на то Рождество...

– Нужно предупредить его, – сказала Вторая.

– Поздно, – сказала Четвертая. – Смотрите... Уже.

* * *

Святой вечер... Святой вечер... Рождество. И в доме так чисто, и натертые до блеска полы пахнут мастикой, и сестра Ольга играет на пианино из «Рождественской ночи» Миколы Лысенко. Раньше они играли эту композицию в четыре руки. А теперь у нее нет руки – ее руки похожи на увядшие цветы – ненужные, выброшенные цветы, умирающие на дороге.

Скоро мать положит на стол белый как снег обрус, поставит кутю и узвар. Скоро загорится огнями рождественское деревце. И все будут поздравлять друг друга: «Со Святым вечером... Будем здоровы!» И особенно часто ее. И желать здоровья и счастья ей будут особенно радостно. Ведь все знают, что она скоро умрет, чувствуют, что ей не дожить до другого Счастливого Рождества...

«Святой вечер, добрый вечер, добрым людям на здоро-

вье», – скоро-скоро запоют за окном. Так же будут петь и через год, но уже без нее. Потому что она нездорова... Или она – просто не добрый человек? Потому что никогда не любила Рождество, как другие. Каждый раз, когда кто-то говорил: «Скоро Святой вечер...», она вспоминала одно – больницу и боль. Операционный стол. Горящие под потолком холодные белые шары. Мигающий снег и белый Ботанический сад за узорным стеклом. Мертвый сад, мертвый Город. И маленькую еловую веточку в прозрачном стакане – ее поставила на тумбочку возле кровати добрая сестра милосердия. Сестра дала ей ангела с головкой из лаковой бумаги и сказала: «Скоро святой Николай. Молись, он помогает всем добрым детям. А потом будет Святой вечер...». Но ее не радовал ангел, и святой Николай не помог. Было больно... И душа наполнялась темнотой. Душа впитывала черную боль, как губка. Застарелая боль походила на темную запекшуюся кровь, новая, яркая – расплывалась в воздухе алым закатом. Алое солнце запуталось в ветвях Ботанического сада. Мир был красным от боли, похожим на ад.

В этот Город ее привезли, чтобы причинить ей лишь боль. Там, в больнице, ей было всего 10 лет. А сейчас 25... Будто кто-то отрезал ножом четверть века и решил: хватит с нее. Хватит, действительно хватит. Хватит уже этой боли. Больше она не видела почти ничего, запертая в четырехстенной темнице, прикованная к постели. Зима, Святки были для нее лишь стеклом с серебристым морозным рисунком. Любовь,

молодость – только чужим радостным смехом на улице. Все, чем прекрасна человеческая жизнь, существовало для нее только там, за окном. Ей судилось умереть, не узнав любви, не познав ни одного поцелуя, лишь бесплодно мечтая о нем...

Она знала, что умирает. Знала, что смерть принесет с собой новые волны боли, и душа, запекаясь от старых ран, сжималась в предчувствии ее. Душа умирала, не желая снова страдать. Душа каменела... И ей казалось: сама она давно стала камнем. Она знала: быть камнем намного проще...

Она не знала одного – ее смерть будет лишь новым рождением на свет.

* * *

– Уже, – сказала Четвертая женщина.

И остальные разом замолчали – на безлюдной улице Города появились два пешехода.

Хоть эта поздняя пара не могла их услышать, а кабы и могла – не услышала. Парень был пьян и по сей скорбной причине говорил очень громко, почти кричал, сам не замечая того. Девушка по той же причине отвечала ему на повышенных тонах:

– Ты обещал мне! Обещал!

– Я совершенно трезв, – заверил он, хватаясь за ближайшую стену.

– Ты пьяный...

– Нет.

– Да!

– Нет... И вообще, я тебя люблю!

– Нет, не любишь!

– Ты что?.. Да я за тебя что угодно. Голову отдам за тебя...

Вот эту голову хочешь?

– Эту не хочу.

– Тогда какую тебе? – опешил парень.

Но его спутница не успела определиться с желаемой головой – пьяный забыл про нее, замер, открыл рот, расширил глаза, поспешно и безуспешно пытаюсь навести резкость.

По стене дома напротив ползло существо. Оно было похоже на человека, но не было им – даже скалолазы не ползают так – существо двигалось по вертикальной поверхности с вихляющим проворством черной ящерицы. Огромной ящерицы... или маленького дракона, неприятно похожего на человека.

– Видишь... видишь... – вскрикнул парень.

Внезапно его плечи и ноги охватил серый страх. Что-то ужасное, невыносимое было в движении этого человекоподобного зверя, в неумолимости черной тени, ползущей... куда?

«Куда он ползет?»

– Что? – мельком взглянула девушка. – Там ничего нет...

– Оно ползет по стене... к кому-то в окно... Оно – есть! –

внутри у парня стало нестерпимо – холодно-холодно.

– Пить надо меньше! Пойдем. – Девушка дернула его за рукав.

– Подожди... я хочу увидеть к кому. Нужно предупредить его!

– Не нужно!

Девушка, высокая, статная, встала перед ним, ее лицо, рассерженное и одновременно устало-отчаянное перекрыло ему дом напротив, запоздалое раскаяние, жалость к ней – перекрыли прочие чувства...

– Котик, прости меня, – завел он, как-то сразу забывая про тень. – Все! Последний раз... Обещаю!

– Сколько раз ты мне уже обещал?

Или ему просто хотелось забыть, заслонить лизнувший нутро темный страх чем-то живым и теплым, пусть и кричащим, рассерженным. Страх внутри растаял, как случайно проглоченная хрустальная льдинка. Сглотнув обиду, девушка взяла парня под руку.

– Ладно, пошли домой... Сможешь идти?

Черная тень скользнула в окно.

* * *

Всего три часа назад парень еще не был так беспомощно пьян, а девушка – так беспросветно несчастна. Уютно уютив подбородок ему на плечо, она улыбалась счастливой

улыбкой собственницы.

- Не понимаю тебя... вас обоих, – говорил друг парня Руслан. – Вам скоро по тридцать. Зачем идти куда-то учиться?
- Мне интересно, – сказал парень. Его звали Сергеем.
- Мне тоже, – поддакнула Светлана.

Когда он был трезв, она соглашалась с ним всегда и во всем. Она предпочитала носить его убеждения, вкусы и даже одежду – рубахи и джинсы. У них был один размер и один взгляд на жизнь. А наличие собственного мелкого, но жизнестойкого бизнеса – небольшой типографии – оставляло Сергею массу свободного времени и позволяло развлекаться, как угодно душе: летом он успел получить диплом капитана яхт, осенью вознамерился выучиться вдруг на юриста. И, по правде, в данный момент Руслана раздражало иное.

– А ходить на вечеринки к малолеткам вам тоже интересно? – Он окинул взглядом пространство общежительской кухни. – Здесь же дети одни...

Студенческая общага свила гнездо в старом здании царских времен с трижды перекроенной за сто лет планировкой, и теперь трудно было понять, кто виновен в том, что местная кухня вполне могла служить небольшим актовым залом. И служила им – хоть больше всего она напоминала сейчас Руслану поляну с цыганским табором. Пространство заполняли стулья, табуретки, скамейки, сташенные сюда студентами со всех этажей, посредине были постелены коврики, матрасы и пляжные подстилки. На всем, на чем можно было сидеть, –

сидели. Все, что можно было пить и курить, – курили и пили. Сквозняк гонял по кухонному залу чудовищную смесь запахов травы, дорогого табака, дешевых женских духов, прокисшего борща, котлет, бенгальских огней и хлопущек. Кто-то наигрывал на гитаре. Все девушки были принаряжены, в волосах многих из них сверкал новогодний дождик.

– И что мы, собственно, празднуем? – продолжал не понимать их Руслан. – Новый год давно прошел...

– Православное Рождество, – сказала Светлана.

– Оно было вчера или позавчера.

– Рождество празднуют несколько дней, – просветила его девушка.

– Да и какая разница? – пожал левым, свободным от Светы плечом Сергей.

– Точно, – согласился Руслан. – Никакой. Не понимаю тебя. Если бы ты пришел сюда...

Он не договорил из-за Светы. Хотел же сказать: «Если бы ты пришел сюда искать бабу, я б тебя понял». Легкодоступных, подвыпивших, полураздетых девиц в совершенно не православных и не рождественских маечках с тонкими бретельками, коротких платьях и юбках здесь было сколько угодно. Но Сергею угодно их не было. Он стоял в стороне, у окна, с видом бывалого мудрого кота наблюдая за подвижным студенческим муравейником. Светлана, усевшаяся на подоконник за ним, обвивала его сзади руками и ногами в ковбойских сапожках. Она тоже походила на счастли-

вую кошку, сладко дремлющую, сжимая в лапах любимый клубок. И что-что, а причину их довольства Руслан понимал превосходно. Он завидовал Сергею. Ему всегда нравились такие, как Света. Собственно, только такие и нравились. Поскольку, как ни крути, есть женщины, а есть красивые женщины – и с этим ничего не поделаешь.

Все женщины делятся на три категории: 1) «Не о чем говорить», 2) «Ничего себе» и 3) «Ух ты!..». О первых и впрямь говорить не стоит – их искренне жаль. Но и пожалеть их ты толком не успеваешь – взглянув на таких, сразу забываешь. «Ничего себе» – в природе больше всего. И большинство из них из кожи вон лезет, пытаюсь перейти в разряд «Ух ты!..» или хотя бы казаться такими. Но настоящих «Ух ты!..» ты ни с кем не спутаешь. Поскольку «Ух ты!..» – это состояние души и, конечно же, тела. Встреча с «Ух ты!..» – как два удара, одновременно в пах и под дых. Как тут перепутать? Либо тебя ударили, либо нет.

До Светы у Сергея была «Ничего себе» Эрика. Невысокая, веселая, со смазливой задорной мордочкой. Но когда к ним впервые подошла Света, Руслан сразу смекнул: у «Ничего себе» больше нет шансов. Рядом с высокой Светланой Эрика вдруг стала казаться лилипуткой – ноги ее сделались невыносимо короткими, грудь, в сравнении со Светиным третьим размером, исчезла вообще, волосы стали бесцветными, тусклыми. Руслан не ошибся. Эрика стала историей в тот же вечер – Сергей ушел со Светой и больше не расставался с ней.

И Руслан не расстался бы, если б ему досталась такая... И не шлялся бы по глупым студенческим вечеринкам.

Внезапно под грудью противно чмокнуло – он понял вдруг, что Сергей сейчас скажет в ответ и что услышать это будет неприятно, понял, зачем они пришли сюда и притащили его...

– Это я тебя не понимаю, – оправдал худшие ожидания Сергей. – Чего ты с нами стоишь? Смотри, сколько красавиц! Хватай любую. А я пока выпью. Свет, принеси мне бутылку пива...

– Это же пятая, – обеспокоилась Света. – Ты мне обещал...

– И мне тоже, – раздраженно сказал Руслан. – Обещал не сватать меня. Я что, старая дева?

– А кто? – невежливо гыкнул Сергей и оправился: – Я не про деву. Кто, если не я? Ты и Новый год один встретил, и на Рождество работал где-то всю ночь. А это, прости, уже диагноз. И выглядишь ты, прости, друг, очень плохо. С тех пор, как расстался с той... не помню имени, стал, как Кощей – кожа да кости. Без женщин всегда так... Свет, ну я прошу, принеси пива... Последняя, я обещаю.

– Твоим обещаниям верить нельзя, – сказал Руслан, когда та отошла. И хотел добавить: «Зря ты с ней так. Такая девушка...» Но не успел.

– А ты мне не верь, – быстро сказал Сергей. – Ты меня лучше послушай. Хватит на мою Свету тарашиться. Я ж знаю,

на каких ты ведешься... Я тебя с пятого класса знаю, и вкус у тебя не изменился с тех пор. И ничего не изменилось – такие на тебя и не смотрят. И никогда не смотрели. Прости... Я понимаю: сам себе не прикажешь, на кого западать. Но сидеть голодным – не лучше. Смирись, что такие тебе не по зубам, пошли их на хрен... Снижай планку. В мире море других женщин, и они тоже ничего себе...

– Вот именно, – сказал Руслан, – ничего...

И замолчал, оглох и ослеп, получив два классических удара – в пах и под дых.

В карнавально-кухонной студенческой толчее образовалась прореха, и он увидел ее.

«Ух ты!..» стояла у противоположной стены – высокая, тонкая, большеглазая, в вызывающем маскарадном наряде. Обнаженную грудь прикрывала паутина мохнатого дождика, длинные ноги открывал обширный разрез длинной юбки с замысловатым восточным поясом. Она смотрела прямо на него – прямым взглядом, без улыбки, кокетства, деланной страсти.

– Видишь ее? – спросил Руслан.

– Кого? – живо заинтересовался Сергей.

Но тут с расстеленного посреди кухни потертого коврика вскочил парень с гитарой и врезал какой-то студенческий марш, явно сварганенный некогда на этой же кухне:

Выпьем друзья

За то, чтоб ты, я,
Все всегда на отлично сдавали
И девчат по ночам целовали,
И на пары не просыпали...

За ним, словно выросший мигом сказочный лес, поднялись остальные, закрывая от Руслана «ухтышку» у противоположной стены. Он ринулся к ней в обход – но там, где три секунды назад стояла «Ух ты!..», уже образовалась целующаяся парочка из двух блондинистых девушек. Руслан попытался обойти их справа – путь ему преградила табуретка, на нее вскарабкалась пьяная в дубль девица с проржавевшим топориком для рубки мяса в руках.

– Я знаю классную традицию! – оповестила она. – На Рождество все деревья оживают и понимают человеческий язык. И нужно идти в сад и пугать их, чтоб они классно родили. Ну, плодоносили... Вот так, – показательно замахнулась она и проговорила грозным заплетающимся голосом. – Если не будешь родить, я тебя срублю... Идемте пугать наш каштан во дворе!

– А что, каштан должен родить тебе? – смеясь, спросил кто-то.

– Каштаны... Идем. Мы еще никогда наш каштан не пугали!..

С трудом протискиваясь сквозь толпу, Руслан сделал круг по безразмерной общежительской кухне – безрезультатно. «Ух ты!..» исчезла. Волнуясь, он начал расспрашивать пер-

вого подвергнувшегося под руку студента, пытаюсь описать ее: «Красивая, высокая, с грудью и дождиком, с длинными ногами». Но стоило произнести это вслух, понял: поиск не увенчается успехом.

Описание красоты всегда звучит банально – длинные ноги, большая грудь, большие глаза... А вот удар под дых никогда, никогда не бывает банальным.

* * *

Через час он был дома. Уходя, он оставил уже начавшим ссору Сергею и Свете бесперспективную просьбу сыскать его ух-ты-девушку и унес с собой безнадежность – странное, едкое поджелудочное чувство – точно ему был дан один-единственный шанс, а он утратил его.

Зайдя в дом, он включил свет, обогреватель, телевизор, компьютер – патентованный комплекс противоядий от одиночества и отсутствия чужого тепла. Было неприятно – так бывает, когда бунтует живот от несварения желудка. Но бывает и несварение чувств, несварение событий. Он не мог понять, какое событие тому стало виной: слова Сергея о завышенной планке, пропавшая девушка.

По телевизору шел старый советский фильм. «Когда делаешь предложение одной женщине, не нужно вспоминать о другой», – поучала героя умная мама. Руслан лег на диван и стремительным штопором полетел в черный колодец сна...

Он знал: нужно встать, выключить свет, обогреть телевизор, но не мог – он летел в глубину. И уже пропетая песня упрямо продолжала звучать в его памяти, и он не мог понять, слышит или видит ее...

Но внезапно по портьеру пробежит прозренья дрожь.
Тишину шагами мера, тишину шагами мера,
Тишину шагами мера, ты как будущность войдешь...

Но чувствовал: на дне колодца, в самых сладких глубинах сна, его ждала Она.

* * *

– Пуфик, Пуфик, ты где?! – Даша Чуб сорвала подушку с кресла, затем заглянула под него.

– А можно кричать чуть потише, не с таким надрывом? – сидя за тонконогим дамским бюро у окна Катерина Дображанская листала толстый справочник «Киев».

– Ясно, тебе все равно, что у меня кошка пропала, – громко обвинила ее Землепотрясная Даша. – Я пришла, а ее нет... А она меня всегда сразу встречает. Бегемотик, ты не знаешь, где Пуф?

Развалившийся на ковре черный кот Бегемот приоткрыл один глаз, окинул Чуб презрительно-зеленым взглядом и снова зажмурился – он не считал себя обязанным удоста-

ивать Трех разговором. Белладонна же, знающая ответ на любой заковыристый вопрос, к Дашиному несчастью, отсутствовала.

– ПУ-УФИК!!! – взвыла Чуб что есть мочи.

Лежащий на диване скомканный плед слегка пошевелился – Даша быстро подняла его, но Изида Пуфик там не было – лишь подозрительно круглый и крупный комок под покрывалом. Стащить с дивана застегнутое на множество пуговиц покрывало-чехол выявилося делом нелегким, но не безрезультатным – рыжая кошка лежала там, свернувшись в плотный и зябкий клубок, и смотрела на разоблачившую ее Чуб с явным укором.

– Ты б, доця, еще под обивку забралась, – с облегчением вздохнула «мама». – Разве у нас так холодно?.. – Даша подхватила Пуфик на руки и утеплела ее пребывание там жаркими объятиями. Кошка довольно замурчала.

– Да уж не жарко, – сказала Катя.

В обдуваемую всеми ветрами Башню Киевиц на Ярославовом валу, 1, прокралась зима, дула в узкие щелки, похлопывая по плечам холодной изморозью, вынуждая смотреть на переставшие быть прозрачными белоузорные стекла и вспоминать, что за ними караулит лютый мороз... Сквозняк подул с другой стороны – входная дверь отворилась, впуская в квартиру краснощекую Машу с сизым, но взбудораженным носом.

– Даша! Как здорово, что ты здесь, – возликовала она. –

Я получила задание. Можешь помочь?

– Как задание? А что, на Горе больше дежурить не надо? Теперь Киев будет напрямую давать нам задания? Через тебя? – не без обиды спросила Землепотрясная Даша.

– Нет, нет, – замямлила младшая из Киевиц, пытаясь замять свою значимость. – Это не Киев. Дом. Один дом. Я вчера ночью услышала голос. Он молил меня: «Любви, любви...»

– То есть дом недостаточно любят? – поняла Даша. – Ему что, нужна реставрация?

– Нет. Он назвал мне номер квартиры. Я утром попросила Василису помочь – ее девочки все разузнали. В квартире живет парень лет 28. Один, без девушки...

– И дом беспокоится, что у него нет любви? – изумилась Чуб. – Какая дивная заботливость! А почему-то наш дом не беспокоится, что любви нет у меня?

Маша Ковалева неловко замолчала. Не отрывая взгляда от книги, Катерина недовольно нахмурилась.

– Это вы про мою помолвку с Демоном? – раскумекала их молчание Даша. – Так он же исчез. И я с ним не собираюсь вообще... Всем понятно, что брак будет фиктивным.

– А ему это тоже понятно? – сухо спросила Катя.

– Не знаю. Мы с ним не говорили об этом, – булькнула Чуб. – Так что, нам нужно теперь организовать тому парню личную жизнь? – обратилась она к Маше.

– Вряд ли. Пока ничего не ясно. Поэтому я и прошу те-

бя, если тебе не сложно, пожалуйста, сходи, разведай... хоть что-то. Похоже, необычное дело. Слишком на первый взгляд все обычно. Живет себе парень...

– Обычный, – прибавила Даша.

– Абсолютно ничем не выдающийся, – подтвердила студентка. – Не красавец и не урод. Зарабатывает не много, не мало. Живет не слишком счастливо, но и не несчастно. В общем, обычно живет. Женщины у него тоже бывают, но как-то не задерживаются...

– Обычное дело, – кивнула Чуб.

– И дом вроде обычный. Никто из значимых людей там не жил, никаких известных событий в нем не происходило. Но такого еще не бывало, чтоб дом, словно мамка, сам беспокоился о своем квартиранте.

– А почему именно я должна идти к нему? – Даша показательно покосилась на отстраненную красавицу Катю.

– Потому что ты самая коммуникабельная. Ты знаешь, я совсем не такая, как ты. – Сладкая речь Маши не была лестью – в жанре лобового знакомства Чуб не было равных.

– А почему я, а не Катя? – потребовала добавочной лести Чуб. – Хотя ты права: с Катей мы ему личную жизнь не наладим. Он в нее влюбится с порога, сразу поймет, что все безнадежно, пойдет и повесится.

– А кроме того, я занята, – добавила причин Дображанская. – Как ни странно, меня тоже попросили заняться одним домом...

– Что, тоже Город? Он уже и с тобой говорит?! – едва не подпрыгнула Чуб.

– Нет, один мой коллега – Дмитрий Андреевич, очень приметный бизнесмен, попросил меня о консультации. Вот только мой дом – и необычный, и очень известный. Замок Ричарда на Андреевском спуске.

– Самый известный в Киеве дом с привидениями? – бравадно выдала Даша. – И что твой мужик от него хочет?

– Не знаю. Но дом может интересовать его только как бизнес-проект, – Дображанская отложила справочник «Киев». – Маша, ты что-нибудь знаешь о Ричарде?

– Только то, что написано во всех путеводителях и газетных статьях, – сказала студентка исторического факультета. – Замок Ричарда считается проклятым. Когда его строили, дом едва не уничтожил страшный пожар. Когда достроили, его владельца убили при неизвестных обстоятельствах. Когда вдова сдала дом внаем, жильцы начали жаловаться, что по ночам слышат страшные звуки и стоны. Большая часть состоятельных семей немедленно съехала... Считается, что вдова не доплатила мастерам, а те в отместку подложили яичную скорлупу в дымоход. Тебе этот фокус отлично известен. Когда трубу очистили, странные крики прекратились, в доме поселилось несколько известных художников... А вскоре случилась революция и Замок стал детским приютом, потом коммуналкой.

– Замок стал коммунальной квартирой? – подивилась ме-

таморфозе Даша.

– Тогда его еще не называли Замком. «Замком короля Ричарда Львиное Сердце» его прозвал писатель Виктор Некрасов. Без всяких оснований – за романтический вид. Но имя прижилось. А в 1983-м дом расселили, отреставрировали. В нем собирались сделать гостиницу... Но непонятно почему уже почти тридцать лет дом стоит пустой и живут в нем лишь сквозняки и городские легенды...

* * *

– ...пока в нем живут лишь сторожа, – попросивший Дображанскую об услуге Дмитрий Андреевич был не столь романтичен, как Маша, но куда более конкретен – в его папке жило множество цифр. – А ведь дом знаменитый, – сказал он. – Знаковый! Символ Андреевского спуска! Один из символов Киева. И уже благодаря этому мог приносить бы доход, невзирая на все недостатки. Он не так уж велик: в свое время здесь было всего двадцать квартир размером от одной до пяти комнат, плюс одна одиннадцатикомнатная. Нет нормального подъезда, нет места для стоянки. Парадная дверь слишком низкая, узкая, будто и правда ведет в средневековый замок... Но, несмотря ни на что, я знаю: жить тут пожелали бы многие. А привидений, о которых так любят писать в газетах, здесь точно нет... Ни один из сторожей не слышал по ночам никаких подозрительных звуков.

Дображанская подошла к выходявшему на задний двор окну Замка – сердце екнуло и сладко зануло: вид отсюда открывался прекрасный, на Днепр, на Левый берег, на крыши Подола. Она словила себя на мысли, что и сама б не отказалась купить тут квартиру – ту самую, в одиннадцать комнат. Но возвышавшийся над Андреевским спуском остробашенный Замок Ричарда Львиное Сердце, или попросту Ричард, отреставрированный десятилетье назад, новенький, но уже облупившийся, оставался таким же неприступным для людей.

– Отчего вы попросили о консультации именно меня? – полюбопытствовала Катерина. – Вы занимаетесь недвижимостью много лет и разбираетесь в ней намного лучше, чем я.

– О вас говорят разное, – обтекаемо ответил Дмитрий Андреевич. Ему было лет пятьдесят, и седины в его волосах было больше, чем черноты, а его внешность могла б показаться ничем не примечательной, кабы не цепкий, немного тяжелый и давящий взгляд.

Катерина Дображанская приняла его предложение из любопытства – любопытной показалась и просьба, и сам человек. В своих кругах он славился тем, что, вкладывая средства порой в самые спорные проекты, ни разу не ошибался, всегда получая наилучший навар.

– Например, говорят, что я ведьма? – облегчила ему откровенность шуткою Катя.

Дмитрий Андреевич не улыбнулся.

– И это тоже. А еще говорят, что у вас есть звериное чутье.

В ведьм я не верю, а вот в чутье... с домом что-то не так.

– Значит, вы все же верите в мистику? – удивилась она.

– Я не верю ни в мистику, ни в привидений, – решительно опроверг он. – Я верю лишь собственным глазам. А они видят, что дом пуст... Почему? В начале 90-х его купил американец украинского происхождения Юрий Чопивский, правнук министра финансов УНР. Заплатил миллион. Вложил средства в реставрацию. И внезапно исчез... Он жаловался на каких-то чиновников, требовавших взятку, потом все принялись сетовать на кризис. Но помилуйте, Екатерина Михайловна, мы с вами знаем: чиновники во все века будут требовать взятки. А дом был отреставрирован не в кризис, а в самый разгар строительного бума, когда престижные квартиры уходили за миллионы со свистом... И что же? Один из самых известных домов в наипрестижнейшем месте как и стоял, так и стоит пустой. И так год за годом.

«Как будто Замок не желает пускать нас в себя, а впустив, сразу пытается выжить обратно, – подумала Катя. – И так было со дня постройки. Нет, раньше, еще когда он только начал строиться, возник пожар. Выходит, еще до начала строительства случилось что-то... Что же?»

Катерина не знала. Не предполагала. Потому сказала, давая себе время подумать:

– Позвольте мне оглядеться здесь.

– Буду признателен, – ответил Дмитрий Андреевич, и Катю умилила его слегка деланная светскость. – Заодно взгляните на это. – Он открыл папку и подал Катерине бумагу с дотошной хронологической таблицей.

1902 – начались строительные работы. Выяснилось, что архитектурный проект был украден.

1904 – строительство подходило к концу. Из-за небрежности двух рабочих произошел пожар. Рабочие погибли. От дома остались лишь капитальные стены.

В конце 1904 – дом был завершен. Оказалось, что городская управа не давала разрешения на его строительство...

С самого начала дом вел себя кое-как, не желая подчиняться человеческим законам. Дом-вор. Дом-убийца. Дом-хулиган... Но разве в биографии большинства доходных домов не случалось подобного? Строительство – бизнес. А бизнес – не бывает стерильно чистым.

Дображанская прошлась по пустым комнатам Замка. В отличие от изысканного фасада в стиле английской неоготики, интерьеры не отличались особым изыском – гладкие стены, гладкие потолки – после полувека коммуналки в нем не осталось архитектурных красот. Лестница, ведущая Катю с этажа на этаж, была похожа на самую обычную лестницу в стандартном позднесоветском доме. Фасадные окна выходили на Андреевский спуск, гостиницу «Андреевскую», где располагался Катин офис, и Замковую гору, известную киев-

лянам как Лысая Гора. На подоконнике стояли оставшиеся, возможно, от прежних жильцов, завернутые в пыльный целлофан портреты Леси Украинки и Тараса Шевченко, старый синий термос и чашка с отбитой ручкой. Над Лысой Горой кружил снег.

Старшая из трех Киевиц знала об истинных функциях Лыски не понаслышке. Но нынче ведьмацкая Гора была не лысой, а пушистой и белой. Белые склоны, сказочно-белые, облепленные инеем ветви деревьев. И все же, ни пушистой, ни белой по характеру их Гора не была... Может, зря Дмитрий не верил в ведьм? Может, излишне близкое соседство с их Лысой и объясняет все?

Гора вздыбилась – с Днепра подул ветер, взбивая глубокий снег. Внезапно в Замке стало очень холодно. Дом словно заключила в объятия зима, прижала к груди, обняла пышными белыми ледяными руками, обволокла струящимися волосами – за окном понеслись косые космы мелких снежинок. Чудный вид исчез, словно кто-то затер его пальцем...

Катя знобливо поежилась и пошла наверх, под самую крышу. Пол мансарды устилал закаменевший птичий помет. Узкобедный коридор привел Дображанскую к башне. Знаменитая башенка Замка Ричарда, стройная фигурка которой украшала все классические снимки Андреевского спуска, оказалась изнутри небольшой и полый – декоративной. В нее невозможно было подняться, лишь смотреть снизу на уходящую ввысь пустоту, перечеркнутую множеством деревянных

балок, на одной из которых сидели два нахохлившихся голубя. Сверху, из щелей, на Катю летели редкие снежинки.

Она услышала, как в деревянные стены башни ударил ветер. И вдруг Башня тихо запела... Что-то еле слышное, тягучее, похожее на заунывную балладу. Ветер снова ударил по узкой башне, как по струне, песня стала громче, и Кате показалось, что она даже различает слова:

Мой Ричард... добрый... моя королева...

Мой Ричард... моя королева...

Но отделить реальное от кажущегося она не смогла. Как раз в это время оказавшийся вдруг совсем рядом мужской голос сказал:

– Ричард Львиное Сердце – добрый король из «Айвенго». Романы про королев, королев, рыцарей нравились мальчишкам. А дом действительно похож на замок: башни, стены с зубцами, окошки-бойницы. Вот мальчишки и прозвали его Замок Ричарда...

Кажется, это был голос сторожа, впустившего их сюда:

– Хоть есть еще одна версия происхождения прозвища...

– Какая же? – спросил Дмитрий Андреевич.

– Говорят, ровно столько, сколько существовала коммуналка, в ней жил старый пройдошистый польский еврей Ричард. Он-то и был истинным королем этого замка. Когда он умер, дом сразу расселили... А на пятом этаже до рево-

люции в Замке жил известный художник – племянник Тараса Шевченко Фотий Красицкий...

– Екатерина Михайловна, вы здесь? – позвал ее Дмитрий Андреевич. – Я забыл вас представить, – сказал он, когда Дображанская вышла к ним, – местный сторож Агапий. В прошлом – художник с Андреевского.

– Так уж сложилась жизнь, – сказал Агапий, и Кате показалось, что произносить эту фразу для него привычно и не особенно грустно. – Могу нарисовать ваш портрет. За весьма условную плату. Или даже бесплатно... Такую красавицу, как вы, редко встретишь.

– Спасибо, не надо, – сказала Катерина.

Втроем они молча спустились на первый этаж, представлявший собой огромный пустой зал. Катя кашлянула.

– Я вижу: вы совершенно замерзли, – проявил заботу Дмитрий Андреевич. – Если вы заболете из-за меня, я себе не прощу... Я говорил: меня интересуют еще два дома... Но, с вашего позволения, я покажу вам их завтра. Подвезти вас куда-то?

– Не нужно...

Чтобы вернуться на работу, Кате достаточно было перейти улицу. Но прежде чем сделать это, выйдя из Замка, она обернулась, желая еще раз взглянуть на неразгаданный дом. Высокое здание окружал вечный зеленый строительный забор – рядом прописавшиеся на Андреевском спуске художники развешивали картины для продажи. Сейчас, когда она

смотрела на Ричарда снизу вверх, уходящий в небо высокий желтый замок с зубчатыми стенами, узкими и высокими окнами еще больше напоминал сказочную неприступную твердь, где живет заговоренная принцесса...

Или королева?

«*Мой Ричард... добрый... моя королева...*» – прилипла песня. Две строчки крутились и крутились в мозгу.

И на миг Катя поверила, что, посмотрев в окна башни меж четырех маленьких башенок-пик, увидит там чей-то лик – хозяин или хозяйка самого известного в Киеве дома с привидениями явится своей Киевице... Но не увидела никого, если не считать синего термоса, картонок с портретами и пристроившегося на подоконнике рядом с ними Агапия-сторожа.

Поглядывая сверху вниз на красивую Катю, он быстро рисовал что-то на листе бумаги.

* * *

Вопяще-громкий дверной звонок оторвал Руслана от компьютера. На пороге стояло неожиданное явление: беловолосая девица с круглыми щеками, круглыми глазами, впечатляющей грудью и ворохом листочков в руках.

– Прошу вас, только не посылайте меня сразу, – сказала явление, молящее и одновременно словно смеющееся над собой... – Соцопрос. Вы ходите в супермаркет «Экономик»?

– Что?.. Да, хожу, – не стал лгать Руслан.

– Правда? – восхитилось явление так искренне-радостно, точно он сообщил ей, что летал на днях в космос. – Тогда заполнишь анкету? – легко перескочила на «ты» она. – За нее полагается приз, – попыталась подкупить его девушка. Она просяще взгляделась в его лицо и, не дожидаясь ответа, воскликнула, заходя в коридор. – Спасибо! Спасибо огромное... А то мне уже почти все отказали. Не знаю, как обратно на работу идти.

– Тебе за это платят, что ли? – спросил он, следуя за ней в комнату.

Девушка была хамски-обаятельной, но не раздражающей. Вроде бы и не «Ух ты!..», но и не обычное «Ничего себе». От нее не било ни под грудь, ни пониже, но при виде ее невесть отчего поднималось настроение, словно ты выпил залпом бокал шампанского – ее глаза сияли, рот улыбался, радость наполняла улыбающиеся щеки, как ветер паруса. Кроме того, у нее была невероятно короткая юбка, гладкая кожа, а объемную грудь прикрывал символический тонкий свитерок.

– Значит, такая у тебя работа, – сказал он, садясь за стол.

– Дурная, я знаю, – охотно согласилась девушка. – Нужно другую искать. А ты чем занимаешься?

– Компьютерами.

– А-а-а... – одобрительно прогудела она. – Здорово! А это че? Играешь? – заметила девушка стоящую в углу, потре-

панную жизнью гитару.

– Так, балуюсь...

– Побалуешь меня?

– Может... А что за приз?

– Во-от! – с видом фокусника, достающего из цилиндра белого кролика, гостя вытащила из сумки бутылку пива. – Подходит?

– Вполне, – он взял ручку и пододвинул к себе листок-анкету, нудно выспрашивающую, как часто он ходит в маркет, какие продукты покупает, участвует ли в акциях. – А можно, – спросил он, проставив несколько галочек, – я уже открою свой приз?

– Конечно. Давай...

Девушка была на удивление легкой. Руслан ловко скovyрнул пальцем крышку с бутылки.

– А ты не хочешь? – спросил он вежливо.

– Мне приз не положен. Они – подотчетные.

– А если бы у меня была девушка, – предположил он, – ты б тоже предложила ей заполнить анкету в обмен на приз?

– То есть ты предлагаешь мне стать твоей девушкой? – улыбнулась девушка. Было непонятно: флиртует она, насмехается, попросту шутит? Но от ее вопроса вдруг сразу стало тепло и тревожно-приятно. – Что ж, решено. Считай, что я твоя дама сердца, – гостя достала вторую бутылку, взяла анкету.

Руслан раскупорил ее бутылку и поднял свою, предлагая

чокнуться:

– За знакомство! Как тебя зовут?

– Даша. А тебя?

– Руслан. – Он внезапно некрасиво, резко зевнул. И сразу испугался, что все испортил, – она обидится. Но Даша, похоже, была не из таковских.

– Че, не выспался? Всю ночь за компом сидел? – понимающе спросила она, продолжая ставить галочки. – Или заболел? Вон, у тебя губы обветренные... И выглядишь ты немного подтоптаным...

– Плохо выгляжу?

– Точно неделю не спал.

– Все нормально, я спал. Просто мне всякое снилось... три ночи подряд, – произнес он с сомнением и осекся.

Даша Чуб терпеливо подождала секунд пять и, решив, что за последние без малого восемь минут знакомства они стали еще недостаточно близки, чтоб он доверял ей сомнительные сны, решительно пошла на сближение.

– Знаю! Мне самой иногда такая ересь приснится... Однажды снилось, что я занимаюсь сексом с Мэрилин Монро. Представляешь? А я ведь не лесбиянка вообще! Совсем никаким местом, могу поклясться... Но все было так подробно...

– Как? – ясное дело заинтриговался он.

– Не скажу. А потом еще раз вообще та-а-а-кое приснилось! – Чуб картинно схватила за голову.

– Что?

– Нет. Сначала ты расскажи... Что тебе снилось?

– Да ничего особенного, – ему вдруг и в самом деле показалось, что ничего особенного в случившемся не было. – Просто девушка.

– Знакомая?

– Да. То есть нет... Не совсем. Я ее мельком видел.

– И вы с ней того-этого... Во сне?

– Вроде. Не помню...

– Она красивая?

– Очень.

– Ладно, я пошла, – сказала Даша, вставая со стула и засовывая в сумку заполненные анкеты.

А он запоздало вспомнил предостережение умной мамы из старого советского фильма: когда делаешь предложение одной женщине, не вспоминай о другой. Предложение он ей, правда, не делал, но понял, что хочет. Очень. Не руки и сердца, конечно...

– А хочешь, я еще за пивом сгоняю? – с замиранием в сердце предложил он.

– Нет. Мне нужно работать.

– Да разве это работа?

– Тогда мне нужно пойти и уволиться, – резковато отрубил Чуб.

– Ну, с этим ты точно не опоздаешь, – мягко сказал он. – Ты прости, если что. То был просто дурацкий сон. Сама го-

ворила: иногда такое приснится... И не поймешь отчего. Так как?

Он почувствовал, что ее попустило – она улыбнулась и сразу простила. Она была совсем рядом – лишь протяни руку. Невыносимо реальная, желанная и такая близкая. Ее глаза смеялись, в них было написано, что он тоже понравился ей и она не намерена это скрывать.

– Ладно, беги за пивом. Вернешься, продолжим... – многообещающе сказала Даша.

– Сию минуту!

Руслан выскочил из квартиры.

Как только за ним захлопнулась дверь, Чуб вздрогнула, явственно ощутив мучительный холод, идущий от существа, стоящего у нее за спиной.

* * *

В Башне Киевиц на Ярославовом валу, 1, было тихо.

«Ши-ирк!» – сухо перевернулась страница – и вновь тишина.

Маша Ковалева сидела за столом над ворохом книг и конспектов. Пристроившаяся на спинке дивана вернувшаяся с прогулки белая кошка Белладонна тихо мурчала. Тихо-тихо падал снег за окном. И больше всего Маше хотелось, чтобы никто и ничто не нарушало эту почти идиллию... Но внезапно рука Маши, потянувшаяся было к очередной тетради,

остановилась в воздухе.

Дом, проведать который она послала Дашу, опять звал ее. Или не тот дом? Иные голоса?..

Было трудно понять, откуда идут они. Но их было много. Она различала лишь обрывки беседы.

– Скоро... еще одна смерть... прямо на праздник...

Мужчина говорил на древнегреческом, но она понимала слова.

– Кто-то должен спасти его...

– Тот, кто полюбит...

– Он умрет... Так же, как и она...

Пару минут Маша сидела как статуя, боялась пошевелиться, издать ненужный шорох – заглушить и без того еле слышную речь.

Но голоса вдруг угасли. И как она ни старалась, Киевица не могла понять, откуда они пришли к ней.

* * *

– Кто здесь? Я – Киевица...

Чуб резко обернулась, замахиваясь одновременно обеими руками, и встретилась лицом к лицу с Киевским Демоном – господин Киевицкий стоял в углу у окна, отстраненно сложив руки на груди.

– Приветствую вас, Ясная Пани, – сказал он.

– Ты чего здесь? – удивленно спросила Чуб.

– Мне показалось, что вы, уважаемая Дарья Андреевна, намерены вступить в связь с первым встречным.

– А почему бы и нет, если он мне понравился? – отрубилла она, отметив, однако, что Демон никогда раньше не величал ее «уважаемой». Хоть было и не ясно, о чем свидетельствовала сия перемена – об уважении или крайнем его раздражении.

– Потому, – сказал он, – что с недавних пор все на Киеве знают вас как мою будущую жену.

– И что из того? – спросила она, превосходно понимая: ответом на вопрос было само его появление здесь. – Так что мне теперь вообще ни с кем не спать никогда?! – возмутилась Землепотрясная Даша. – Я сделала тебе предложение потому, что хотела спасти. И готова выйти замуж, раз надо. Но чем-чем, а целибатом за твою жизнь я платить не готова.

– Я не просил вас ничем платить, – сухо заметил он. – И не намерен оплачивать свою жизнь позором. Уверяю вас, она мне вовсе не так дорога.

– Ясно, – прочирикала Чуб. – Не стоит благодарности. Это была такая мелочь, спасти тебе жизнь...

Демон бесстрастно посмотрел на настенные часы:

– Я не неволю вас ни в чем, моя Ясная Пани. Достаточно вам, не сходя с места, сказать: «Я отказываюсь брать его в мужья», – и вы снова будете свободны...

– А ты казнен? Я купила твою жизнь за свою свободу! – Даша вдруг ощутила приступ отчаяния. До сего дня она не

понимала, в какой логический угол загнала себя.

– В противном случае, – он не собирался вступать с ней в споры – он словно не слышал ее, – у вас есть всего пять минут, чтоб уйти. Ваш друг скоро вернется...

– Хорошо, я уйду! – сказала Чуб, чувствуя, что заводится с каждым словом оттого, что не знает, как ему возразить, чуть не плача от осознания, что угодила в ловушку собственного подвига. – Но мы еще поговорим об этом!..

– Несомненно.

– И не только с тобой!

* * *

– Вы когда-нибудь слышали, чтоб кто-то говорил такое девице, с которой даже не собирается спать? – проговорила она двадцать минут спустя на всю Башню.

– Но откуда ты знаешь о его намерениях? – взволнованно спросила Маша. – Он тебе так сказал?

– А если и собирается, я еще тоже подумаю... – отбрыкнулась Чуб. – И скажу ему «нет»! Привет от старых штиблет! Он мне во-о-ще больше не нравится. Он вообще любит не меня, а тебя. И что теперь?..

– Поставь себя на его место, – жалостливо вздохнула Маша.

– Да я уже там стою! – топнула ногой Даша Чуб. – Что я – дура и не понимаю? Баба, которая спит с другими, – парши-

вая невеста и паскудная жена. Для него лучше смерть, чем такой позор... Я другого не понимаю – что мне теперь делать?!

– А что ты собиралась делать, когда делала ему предложение? – бесстрастно справилась Катя. – О чем ты думала?

– Думала, что, если не я, это сделает Маша и разрушит жизнь себе и своему парню. Ну почему, почему я всегда думаю после того, как сделаю?! – затопала Чуб сразу двумя ногами.

– Нет, – стремительно утешила ее Ковалева, – ты думала. Просто не о себе, а о других. Обо мне, о Мирославе. Спасибо тебе за это!

– Пожалуйста. Хоть ты оценила... В любом случае один несчастный человек, – Даша ткнула себя в грудь, – то есть я, это лучше, чем два – ты и Мир. Но что мне делать? Что? Вы не представляете, как мне тот парень понравился!..

– Амор? – вопросительно мявкнула сидящая на диване Изиды Пуфик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.